

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

* * *

И.А.Б.

Южная провинция живёт,
как хотелось этого поэту-
классику; хоть редко, но идёт
снег, напоминающий по цвету

кожу; шелушение небес
достигает силы ровно в полдень;
наполняем, как стакан на холоде
чернотой, в ночь переходит день;

в боевом гекзаметре прибоя
силы многодневного запоя
различима перемена тем;
слава богу, тот, кто знал, зачем

море, позабыл оно какое,
словно поговорку о вине
и какой-то истине, точнее,
что вины, по-видимому, нет.

Потому что исповедь сильнее.

1982

* * *

Душа молодая и дух живой
жили раньше как муж с женой

но вот их как будто бы развели
словно сильную кислоту развели

и теперь он сожитель её и друг
а не законный супруг

сидит и думает что-то своё
она стирает его бельё

он страдает и ходит часами вокруг
точно в нём поселился недуг

домогающийся слиянья
как подаянья

а у неё отговорок тьма
то времена то сегодня больна

и вообще слиянье название
а суть расставанье

она прекрасна хотя стареет
на работе весь день сгорая

он что-то ищет найдя балдеет
совершенно по дому не помогая

например он вчера словами мучался
а надо было вынести мусор

сегодня утром уйти надумал
вещи собрал котелок надвинул

сильный ветер сквозь форточку дунул
чуть его навзничь не опрокинул

уйду сказал и давай как знаешь
тогда поймешь на кого меняешь

живи с кем хочешь вон лезут разом
покой с бутылкой с копеечкой разум

а я пойду поищу по свету
того чего нету нигде и нету

и вот ушёл а куда неизвестно
писем нет соломенная невеста

ждёт тоскует себя ругает
ночами в люльке детей качает

много времени прогулял
и то видал и это видал

ниже уровня моря в море купался
выше уровня гор в облаках терялся

в бисер играл сапоги потерял
но не нашёл что искал

тривиальности не нарушу
как-то утром он встретил душу

она не та да и он не тот
а всё же едины как бутерброд

давай попробуем говорит
концы и начала восстановить

то что было даром дано
заработаем будь неладно оно

но день прошёл и опять потеха
почему он в прачечную не заехал

и ребёнка из садика не забрал
то она сказала то он сказал

что тут поделаешь жаль обоих
это чьи-то козни и чей-то происк

а он задумал одну работу
написать за пятницу и субботу

о духе работа и о душе
как они болтаются неглиже

на виду у всего просвещённого мира
в коммунальных своих квартирах

всегда ведущие неравный бой
чтобы мужем числиться и женой

хоть она и сияет в оконной раме
в рубашке с удлиненными рукавами

да и он лежит испуская дух
одного за побитых двух

и вот поди ж ты словно вода
избегая заводи или пруда

они текут сливаясь касаясь
друг друга так чтоб возникла завязь

один восклицает другая поёт
один распускает другая прядёт

работу лёгкую в роде эссе
где всё понятно и ясно всем

и много сказанного меж строк
что и содержит в себе урок

пару страничек без академизма
много воздуха влаги жизни

ветки волны морской пейзаж
музыканты вошедшие в раж

скрипка дудочка аккордеон
треугольника тихий звон

и уже непонятно где мы и как
и не пора ли расторгнутый брак

зарегистрировать вновь
тем более что это любовь

1984

* * *

Найдено то, что уже открывали,
 Но забывали, ведь, в идеале,
 За такие шутки многих ссылали,
 Чтоб не мутили ил.
 Каждый, родившийся слишком рано,
 Дожил уже до распада урана,
 Четвероевангелия, корана
 И всяких прочих светил.

Найдено то, что другие скрыли.
 Даром что поиск по пояс в чернильной
 Жидкости, даже будь малосилен,
 Проходит как смертный грех.
 Обретаемый смысл как последняя сволочь
 Все разъедает сильнее чем щелочь,
 Так, чтобы ясно был виден крамола
 Звонкий доспех.

Человек — это, может быть, даже не вера
 Его, а сложнее и хуже — мера
 Того, насколько запретны нынче
 Слово его или мысль.
 Просвистевший на дудочке это кредо
 Был пролечен уже от явлений бреда,
 Но этого мало, и он загрызен
 Новой породой крыс.

Но однако меняется что-то в хоре
 Надрывавшемся в до-диез позоре,
 Там, где каждый пел в небольшом зазоре
 Меж своей виной и чужой.

Это сказано в торе, что, мыкавший горе
 Человек, уже старше став и херовея,
 Путь проходит порою такой — от споры
 До спора с самим собой.

Не жалею же, что слишком короткий отпуск
 Получаешь ты, обезьянний отпрыск,
 На секунду из тьмы на сияющий отблеск —
 И опять поглощаешься тьмой.
 Ведь, хотя это дело у всех по-разному,
 Есть прекрасная смерть — на вершине оргазма,
 Когда ангел, прописанный в малой азии,
 Является за тобой.

1977

* * *

Природы узами как сироты слезами
 Крыт малый эрмитаж наставших холодов
 С охранником с глазком с скамейкой для свиданий
 С водой для растворения следов

Пора бы перестать прислушиваться к речи
 И заржавевших пик и дождевых червей
 Пора своё твердить то нежа то увеча
 Помешивая варево кровей

Рожающий слова не вправе обольщаться
 Подсчитан путь воды записан блеск звезды
 Отвергнут алфавит подачек и кассаций
 И порваны бразды

И списан карандаш и стержень туп и ломок
 И с карандашной фабрики в запас
 Уволен тот кто нас учил ещё с пелёнок
 Про нас

Кто мог бы создавать алмазы из графита
 Сам за решётку сел коварен углерод
 Мгновенен переход от речи индивида
 К молчанию толпы по имени народ

Парам пам пам парам слепой и однокрылый
 Разорванную нить пытающийся сшить
 Ты обречён на страсть к тому что не по силам
 Ни временно понять ни навсегда забыть

1978

МАНЬЯСКО

1

Чему паяц обучает сороку.
 Не придавать значенья уроку.
 Красть драгоценности. Пить малагу
 Клетку мараить. Мараить бумагу.

Всё происходит в хлеву, меж ясель,
 где осла потеснил недавно создатель.
 На полу валяются зёрна мокро.
 Бос учитель. Молчит сорока.

На полу ещё один преподаватель.
 Диктует ругательства. Очень кстати.
 Урод с барабаном хочет помочь.
 Дощатый прогнил под ними помост.

Стучит по ослиной коже маленько,
 стоя на четвереньках
 с утра до вечера, даже ноет спина.
 Изо рта на помост вытекает слюна.

Полугол паяц. Не схватил бы простуду.
 Рассуждая здраво, это не трудно.
 Взгляд пустой, но полон порока
 и лоб в испарине. Молчит сорока.

2

Рядом сидит святое семейство.
Иосиф и плод его бездействия.
За шиворот счас ему напрудит
эрудит, что на шее верхом сидит.

Рядом стоит, улыбаясь, баба.
Плащ её грязен, как скатерть из штаба.
Все галдят и глядят, хоть идти далёко.
Паяц вопит. Молчит сорока.

Бочонок пуст и второй тем паче.
Я ошибся. Дебильный мальчик
с мордой будущего пропойцы,
а также эта святая троица,

впрочем, их четверо, я не прав,
ещё один на груди уснул, устав,
все они тут оказались случайно.
Напряжённо, почти что сама уча его,

на краешке бочки держась одиноко,
на преподавателя смотрит сорока.
Над ними пейзаж и под ними настил
залит влагой и весь простыл.

3

Смотрит учитель в глаза ученице,
как будто кланчит монету напиться.
Как будто жажда беднягу мучит,
пока он её разговаривать учит.

Всё происходит в каких-то развалинах.
Утварь старая на пол свалена.
Под ногами грязно-жёлтый песок,
случайный горшок и каната кусок.

Не хватает чего-то внутри полотна,
там где полог неба и пола тьма.
Есть стена, забор, табуретка.
Отсутствует клетка.

Впрочем, птицу сию за одну из ног
привязать пеньковой верёвкой мог
бродяга. Вон его дочка
выглядывает из-за бочки,

одетая в засаленный серый капот.
Папа всё пропил, он сильно пьёт.
Его узкая рожа на то похожа,
что нельзя взять в рот.

4

Дряной малагой успев напиться,
паяц сейчас растерзает птицу.
Друг друга не слышат, как люди сурдо.
Как в театре абсурда.

Ребёнок грызёт кружок соска,
случайно его сыскав,
всасывая лиловый сок олеандра.
Тревога растёт. Молчит Алессандро.

И бродяга молчит, прижимаясь к бочке.
Немощный, высушенный, полуночный.
Рожа, как будто лизал горчичник.
Вопросы излишни.

Назревает драка на фоне дрока.
С этой птицей одна морока.
В тёмных ночных воздушных потоках
уже не слышать, как молчит сорока.

1981

ГО СИ

1.

Что ты делаешь, старец! Ты иву рисуешь не так,
как полагалось веками. Себя ругая,
ты прибавляешь ветер, север, страх ребёнка, гнущийся знак,
взор бродяги, уставившегося в очаг не мигая.

Искавший разницу в устройстве звериных душ
и человеческих — теперь настала пора расплат:
щекой потрогал кисточку, откупорил тушь,
вспотел от страха, скинул тяжёлый халат.

На горе как оспа, растут кусты.
Проявляется фотоснимок одиннадцатого века.
Всё рисовалось честно — под страхом суеты.
Каждая ветка.

2.

Мало молчишь. Живопись разговора скромней.
Подрастает трава меж нарисованных раньше камней.
Продолжается видимый ход чего-то.
Бросай работу.

Не бросай работу. На бумаге или на шёлке.
Сколько зрителей! Камень, на котором сидит, седея,
старая ящерица, заблудившаяся перепелка
в только по запаху отличимых от сорной травы орхидеях.

И небоскрёб иероглифа скребёт небеса.
Из молчания на рисунке растёт бамбук
с той же скоростью, что и рождаемый им звук
который столько лет учили писать.

Неудачны наши иероглифы — они в виде букв.
Норовят сцепиться между собою в повесть.
Только и слышишь их деревянный стук...
Музыку, то-есть.

А в поднебесной день за днём с дыханием мерным
рисуют только дикую сливу, орхидею, иву,
но не всегда одинаково, ибо
в этом-то всё и дело, наверное.

И твой маленький сын и твой маленький внук
едва научившись не спать, не спать,
за ночью ночь рисуют быстрорастущий бамбук
опять,опять.

1984

АРИЯ

/Мертвополитен-опера/

Здесь же документальный фрагмент
дока мент скрывал этот документ
но для того чтоб он не был забыт
пусть говорит

словно в бутылку набитый карбид
он взорваться сейчас норовит
и осколками врезаться во всё то что
само уже по себе сидит

вот висит совершенно лживая схема
в метрополию вкопанного метрополитена
её плёл паук это зверь без рук
она есть мишень мой друг

В профиль схема похожа
На масонскую ложу.
Пронзает мир, подчиняясь магистру
В ранге министра.

Он бывает в свете, герой труда,
Но нам и под пыткой не выдаст правды,
Истекая, будет твердить : «Ерунда...
Господин следователь, как не прав ты!..

Я не есть отечественный масон,
У меня в голове кессон,
Она пухнет от грозных слов
И опросных листов...

Я рос на юге, там до сих пор
Шумит моих кедров ливанских хор,
А в них до кроны вколоты гвозди
Мои, на спор...

Там живёт моя старая мать.
Не заставляйте старушку страдать.
Ей уже восемьдесят скоро два.
Отпустите мои слова...

У меня, признаться, был и отец.
Но он повесился, молодец.
Так как я в анкете, требующей слов,
Должен был писать : «из попов»...

У меня был дед, у него три дочки.
Старшую украл улан, а прочих
Дед наказал, ибо был суров –
Выдал замуж за бедных попов...

Мой папаша был землемер.
Он замерил, что живёт в эсэсэр.
Грязь мяса, пригибая спину,
Он понимал, как мешает сыну...

Как-то утром я влез на чердак.
Там, как всегда, был у нас бардак.
Смотрю и вижу — висит папаша.
Золотце наше...

Теперь получалось — в графе «отец»
Я мог ставить прочерк или писать «нет».
Гражданин следователь! Я был слеп.
И слеп был свет...

Всю свою жизнь проведя под землёй,
Никаких мезонов я там не видал.
Отпустите меня домой.
Хотя бы часа на два...

Много лет проработал я в темноте.
По службе достиг больших вершин.
А здесь черви вползают прямо в постель.
И лязг казньных машин...

Моя темнота была много краше.
А здесь даже днём не гасят свет.
Хотя наши тоннели уступают вашим,
Говоря тет-а-тет...

Товарищ палач, отпусти. Ты сам,
Наверное, масон-иностран.
Шпион каких-то иных держав.
Например, сша.

На что же эти тоннели похожи,
Мы сами тоже понять не можем.
Может, с ночью решили быть постroje,
И она съёжилась...»

1983

ТРИО

/Мертвополитен — опера/

Незначительный эпизод
почти случается каждый день
подобен введению наоборот
в сотрясение вод

отец недоношенного младенца
повалил докторишку в дворе больничном
и стал побивать его тихонько
и методично

он бил его приговаривая при этом
ты застудил моё ридное чадо
грелками не обложил когда надо
и не дал конфету

плод моего развлечения с бабой
семя возвращённое ночью угарной
ты должен был сделать так хотя бы
чтобы он мог трудиться ударно

он материл докторишкино тело
а оно ему отвечало
что ж ты делаешь оголтелый
сукин сын ты послушай сначала

твой недавно рождённый отпрыск
с алкоголем и спирохетой
нынче лежит совершенно раздетый
и такой же будет лежать и после

мозги же его кровавая каша
сопли в пустом черпаке черепашки
и там ползёт ещё по черепашьи
дыхание становясь всё уже и уже

зачем же были нужны эти роды
ведь он дурачок и тебе не нужен
тебе нужна только жидкая водка
на завтрак на обед и на ужин

ты и твоя всё равно всё равно бы
от него навсегда отказались
и расписку бы написали
и в горисполкоме её подписали

так уже было четыре раза
а этот раз ты же знаешь пятый
что же ты лупишь меня зараза
и называешь меня пархатым

не я ли ночью над ним ссутулясь
всё колдовал и со мною сёстры
я ли не отгонял этот ужас
и незванную гостью

а сейчас только слабость в руках и слабость
внутри вообще эту ночь без сна бы
тебе когда машешь руками в стиле
бессилия

смерть это то обо что наш разум
будь ты тенором или басом
тупится сразу и превращается в язву
любая фраза

и качал я его три раза
и на сердце давил ему и на живот
и дышал я ему рот в рот
видать напрасно

а изо рта на меня изливалась
всякая грязь этой гостье на зависть
и вдох становился довольно вялым
и его было мало

стояла при этом по всей палате
не выпуская дитя из объятий
просто мёртвая тишина
от двери до окна

мы мягкое сердце вжимали бодро
в поломанные немножко рёбра
оказался кенарь наш канарейкою
и петь стало некому

ему от рода молчать до рода
чтоб во дворе тосковал урод а
мать но о ней разговор особый
хваталась за скобу

чтоб от меня им переливание
выпало страха и негодованья
и невыносимого состраданья
содроганье

я лил лекарство в худые вены
всеми силами я боролся
с губ стирал розоватую пену
до и после

воздух вдувал в бронхиальное древо
как в свою любимую деву
а оно молчало либо хрипело
точно сдурело

чтоб у него работало что-то
чтоб он не убегал куда-то
я качал до седьмого пота
а он молчал как с креста снятый

молчал невинно синел некстати
в позе будь готов в глубине кровати
ожидая изъятия
небытием от отца и матери

мать которой мы всё рассказали
молоко сцедила на чёрную землю
повернулась спокойно и прочь зашагала
причитаниям нашим не внемля

наверное рожая дитятю снова
она была ко всему готова
к будням к безднам к окопам к скорым
потерям крови и крова

и вот докторишка бежит чтоб утешить
эту удаляющуюся душу
а к нему подходит еёный муж и
говорит послушай

зачем мой младенец тобой положен
в холодный на балконе стоящий ящик
из неструганных досок сколочено ложе
по настоящему

нет это такое у нас местечко
зимою правда играть в нём холодно
а летом жарко словно в печке
но сейчас по другому поводу

он сыграл ибо весь он умер
такая вот приключилась штука
такое встречается и нередко
но это будет для нас наука

мы ему ноги вместе сложили
мы ему веки вместе смежили
слабую челюсть его подвязали
в бессилии задрожали

нянька панкратьевна за ним ходили
как за своим нерождённым сыном
всё протели мы формалином
кварцевые лампы включили

фиолетовый свет смешался с рассветом
верьте нам мы клянёмся в этом
тому кто подsunул нам это либретто
беспросветто

а сейчас мы иные ионы вдыхаем
что же нам теперь остаётся
завтракаем остывающим чаем
как многоборцы

скоро появится новая смена
кончится наше ночное дежурство
бесплатное в счёт сокращения времени
и настанет утро

кто помирает тот есть младенец
и кто остаётся тоже младенцы
и космоса тьма над нами пенится
и мы её отщепенцы

1981

* * *

Был младенцем — легко дышалось.
В шагу ничего не мешало.

Корь-ветрянка, проснулся-встал.
Ничего в паху не определял.

Лениво играл, но зато без фальши.
Так, полагал, будет всё и дальше.

Но однажды утром вскочил иначе.
Посмотрел в штаны, убедился — мальчик.

Специально этого не хотел.
Но слегка накалялась уже постель.

Подрывался на людях, косил, картавил.
Играл по правилам, когда все — без правил.

Стучал по ф-но, пока все в домино.
Впервые лёг, когда все — давно.

Полумёртвым встал, когда все — вразвалку.
Двое суток не спал, пока все — вповалку.

Начал что-то подозревать.
Научился галдеть и врать .

Лечь поленом и встать с ухмылкой.
Сечь, где тёлка и бечь за бутылкой.

Бить по клавишам, рук не мыв.
Зашивать раненных, слушать немых...

Старец стал, плешь уже видна
Девичам, выглядывающим из окна.

И если, пусть по ошибке даже
Одна на него посмотрит, скажем,

Он вспомнит нечто — но было б лучше
Забыть об этом, уйти, не мучась.

А она на прощание ему скovyрнёт
Пятна родимого уголёк —

И спальню затопит, и у соседей
Зальёт серебро, и хрусталь, и медь и

По телефону в стиле ретро
Будет вызвана с крестом карета.

Но придут порознь — карета и крест.
Взглянув напоследок себя окрест,

Он выйдет пройтись — и за ним в Тартар
Понесется сжигавший его пожар,

И погаснет свет и угаснет гам
По себе сам.

1983

* * *

Ночью в автобусе пишется пьеса
может чужая а может своя
малоголосая даже не месса
простоволосая слабая вся

прямо за завтраком пишется фраза
надо уехать здесь скорый конец
надо уехать сегодня же сразу
как бы не трусили мать и отец

прямо на улице в гаме и сере
сам пробивается ломкий пунктир
слышится лгу произносится верю
пишется ад а читается мир

днём голова как картошка в мундире
нет остановки ну разве когда
вдруг задержался немного в сортире
и отключилась случайно вода

пишется пьеса вдыхается сырость
скорость теряется юзом несёт
речь это просто последняя милость
только и это навряд ли спасёт

действия нет да оно и не нужно
нечем сказать но нельзя уезжать
пейзаж обижается впрочем заслуженно
с острого края ножа

прячутся в паузы все аргументы
за или против понятно и так
сорваны связи оборвана лента
входит закат

боже как медленно как непонятно
выбросим все но сначала пойдёт
тело чужое постельные пятна
землетрясение сомкнутый рот

этот кусок написан напрасно
и от ответа легко увернут
в очереди за подсолнечным маслом
капли подлунных минут

может они и наполнят ремарку
тихого слова нелёгким свинцом
в теле лежащем надежно и жарко
к небу лицом

зритель затылком сидит к авансцене
ария в горле саднит
и напевает нечленораздельно
ленте магнит

машет руками суфлёр на свободе
всё за него рассказали давно
рукописи не горят но уходят
камнем на дно

крышу таранит насквозь «скоро тридцать
и ничего для бессмертья» болид
и распрямляется чтобы проститься
герой инвалид

1983

* * *

...Шторм третий день сколько серой влаги
под бурунами белых стихов
падает мимо прибрежной бумаги
спасательной станции причальных оков

по чёртовой выкройке из ангельской ткани
сшит этот вечер который свет
ночника прикрывает как слабой дланью
беззащитный предмет

холщёвый твой балахон пошитый
по вышним лекалам сидит мешком
нитки выдернутые по ошибке
норовят сцепиться клубком

с утра наденет страсть власяницу
а измена напаялит камзол
это строке разрешили родиться
меньшим из зол

за страх не заплатят тебе по страховке
скажут пьян
и придётся сидеть и писать под диктовку
сочинение на вольную тему Диктант

ещё пара штормов и наступит тридцать
тому кто никак не готов к декабрю
и строка брызжет пеной воды боится
я о себе уже не говорю

1981

* * *

Прибой, как sea-бемоль
 большой октавы, той,
 что слышно лишь зимой,
 когда в конце недели
 рассматриваем так
 вплотную этот мрак,
 что вымок даже край
 расстеленной постели.

Песочные часы
 опустим в кипяток.
 Расплавится стекло
 и выбежит песок
 прошедшему вдогонку.
 Посмотрим на восток –
 как будто в водосток.
 Похоже на бросок
 к застывшему ребенку.

Над серым кипятком
 в свинцовой наготе
 покажется восход
 в поблекшей темноте,
 и вскинутые руки
 начнут трубить поход
 столпотворенью слов,
 песчиночек, послов,
 зародышей разлуки.

Казалось, этот свет
 накапливался год,

но пробил час — и вот
 пробит подземный ход,
 пропущенный удар
 по солнечному — ох... –
 сплетению. Стремление
 страдание спрягать
 поборет шум воды,
 откат атаки вспять,
 за горизонт среды,
 сменившей воскресенье.

Не слышно, что кричит
 упавший кипарис,
 но видно по губам,
 что сочинялось мною.
 Какая это жизнь?
 Короткая, но жизнь.
 Обычный лабиринт,
 но с ниткою гнилою...

1983

ЯЙЛА

Справа смеркается, слева светает, путь пролегает через овраг.
Жизнь сокращается, словно пустая. Словно пустяк.

Видно, пока мы прощения просто просим, срываясь на крик,
Оползень рвет молодой полуостров, словно поэт черновик.

Кто управляет движеньем планеты и сотрясеньем коры,
Яркой подземною молнией этой наши смущает пиры.

Стерлась на сгибах молчания доблесть, встал на обочине лис,
Вперился в повесть как в рваную полость, как в оправдательный
лист.

Пал на передние ноги, ощерясь, недоуменный щенок.
В карстовой трещине, в узкой пещере, в царство теней
открываются двери.

Пусто. Темно.

Копят лекарство безногие змеи, а расстаются плевком.
Видно вдали, как столпились злодеи перед игольным ушком.

Паче гордыни заимствовать жребий у не имеющих речь.
Но совпадений бесспорна победа, опустошительна течь.

Спрятав башку под неправильной формы поломанное крыло
Не различить за раздачею корма, рвануло или пронесло.

Встав на колени, нечаянно, кожей горный чабрец раскрошив,
В этом просторе остаться бы, боже, в теле свободы, как шип.

Под небосводом своим однократным, от внезапной разгадки
дрожа,
В солнечных пятнах бы, в солнечных пятнах, словно зародыш,
лежать.

* * *

Спал
и вдруг
стало плохо
дышать

сразу вскочил
разбудил жену
как не хочется
умирать

огненную
сглотнул
слюну

сына
мыслями
разбудил

под простой
работой
светил
через поле
пошёл
к отцу

постучал в ночное стекло

как
не хочется
умирать

по лопатке тепло стекло

чуть тошнит
и стучат
часы

озираться
в лесу лежать

своё полушарие разбудил
как не хочется умирать

нет никаких совершенно сил
висеть за ребро на крюке тоски

в форсунке страха себя сжигать
как не хочется умирать

торопись же
пока живой

как не хочется
боже мой

1979

ПОЛНОСТЬЮ
ПРИСНИВШИЕСЯ
СТИХИ

Спал у соседей на раскладушке
из дому выгнал пианый сын
он пианист

проснулся но не встал
дал остыть мозгам
потом вскочил

за стенкой звук которым
резак режет фотобумагу
в, ж, и, к, в, ж, и, к

троим всё это предстоит
нам об этом говорит
резинка от волос

от косички чтоб торчала
от хвостика и того веселей
чёрная аптекарская резинка

она под ноги нам летит
и доказательно лежит
что это вряд ли сон

вот раздаётся первый вжик
и первый звук в какой-то миг
похож на пук

но видно слаб размах ножа
или рука дрожа дрожа
у телоча

и повторяя этот вжик
он превращает его в жик
и просто в ик

и к нам резинка в ноги мчит
и вот что видно он молчит
тот что готов

а вот и ветреный второй
но только с пятого захода
теперь попробуй скрой

а третий с шеей петушиной
как будто тухлое яйцо
такой же звук машинный

дрожит перо на бум аге
скача на сло манной ноге
кричит шерчит быстрее

вот три резинки у меня
смотрю на это среди бела дня
я еврей

1983

* * *

Но мне заходит черный человек,
заказывает реквием

а я

кричу ему что я не моцарт

тот живет

в четвертом этаже. А это — третий.

Черный человек

В недоумении говорит:

«А мне сказали –
сюда...

Ты сам-то будешь –
кто ?!»

Я: «Я -то? — Гробовщик... »

2002

КАМНИ СЕРДЦА

А вот комедия для кукол.

Вдруг гасят свет.
И в первом акте

Бежит по мостовой покатою
Прелестный негодяй Ромео.

Худой,
Несовершеннолетний.

Он соблазняет Джулимону,
И наслаждается победой.

Но их родители не могут
Наладить связи меж собою.

Она пытается травиться,
Ест две таблетки аспирина,

Её какой-то лекарь местный
Травой пользуется чудесной,

Она жива,она здорова.
Она здорова, но бесплодна.

От злости бесится Ромео,
Потом, понятно, остывает.

Антракт. В буфете подается
Напиток «жемчуг» растворимый.

Король,понятно,угощает.
Все пьют здоровье королевы.

.....

Я не уверен, где бикфордов
Шнур,за который тянет Йорик

Стремясь слова второго акта
Поднять, как занавес пожарный.

Омео вырос.И по службе
Венецианским правит войском,

И с толком — даром, что веронец.
Его жена,красотка Дезде,

Ему порою козни строит,
Но он и сам хорош. И ревность

Его когда-нибудь погубит.
Его советник добрый Яго

Есть затвердевший сгусток яда.
Но наш Омео так наивен,

Что всем дает собою править.
Родители его и Дезды

Который год уж из могилы
Пытаются на ум наставить

Своих детей. Напрасный шёпот.
В итоге, свято убежденный

Что Дезде что-то замышляет,
Он ей наносит превентивный
Удар своей кривою саблей.

Удар, как видим мы,неточен.
Она жива.Он рвет и мечет.

В раскаянье себя он хочет
Убить, но, к счастью, безуспешно.

В антракте нам играют флейты
Похожие на нас по тембру,

Играть на них не только можно,
Но даже в чём-то и занятно.

.....

Марло, Марло по всей земле...
Корабль в огне. На корабле

Спят два веселых виттенбержца.
Скрипит, приоткрываясь, дверца.

Светаает. Входит третий акт.
Военачальник, гости спят.

Вокруг шумит какой-то лес.

Предсказывает что-то бес.
Наш бывший милый хулиган

Теперь уже кавдорский тан,
Монгольский хан, кориолан.

Вот ветки леса наступают,
Шумит листва, дудит рекодер,

По барабанным перепонкам
Бьют перепонки барабанов

Стучатся стрелы в стены замка,
В ворота замка, в чей-то череп.

Военачальник ест свой ужин,
Его супруга, леди Джульбетт

Искусно сервирует козни,
Его друзей простые казни.

И чтобы их не разгадали,
Она придумывает мужу

Другое имя — м-р Ромбетт.
Чтоб правый фланг не догадался

О пораженьи в самом центре.

Он спать ложится, сняв доспехи.
Он слышит шум ее дыханья.

И ни о чем не вспоминает.
Растерянные, входят ведьмы.

.....

Ветки качаются, сцена в крови.
Из сердца удаляются
камни любви.

2002

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

М. В.

Видишь ли море
в просвете колонн,
цвета индиго,

цвета небес,
угодивших в полон,
в дивное иго.

Снова меня
чей-то старый напев
будит средь ночи.

И виноград
на беседке, созрев,
падать не хочет.

Это татарский
заброшенный дом
где-то в Мисхоре,

мыс вулканический,
выпуклый Понт,
гроздь на заборе.

Тень на стене,
у себя на уме
и на балконе,

время — почти что
с приставкою «не»
потусторонней.

Так я открыл свой
последний закон :
то остаётся,

что порождает
надрывшийся Понт
лёжа под солнцем.

Всё остальное
уносит долой
может, и он же,

словом «вернуться»
и словом «домой»
хлещет по роже.

Вот хорошо бы
его записать
цвета лаванды

нотной водою
несущейся вспять
в ритме леванта,

чтобы сверкала
лазурная нить,
горькая пена.

Чтобы как бритву
на шее носить.
Ночью и денно.

2000

СОДЕРЖАНИЕ

Ялтинская фильма 5

Лепра

«Эта мысль довольно нелепа...»	83
«Один у нас был, он придумал такое дело...»	85
«Вот ещё, предположим, один уцелевший фрагмент...»	86
«Самое главное, впрочем, у нас — очистные сооружения...»	88
«А вообще-то здесь ничего ужасного нет...»	90
«Смертной казни у нас нет. У нас другие обычаи...»	91
«Как и всюду, у нас имеются сложности в еврейском вопросе...»	94
«Хочется тихий, багровый, в басовом регистре финал...»	96

Фантомные боли

«Южная провинция живёт...»	99
«душа молодая и дух живой...»	100
«Найдено то, что уже открывали...»	104
«Природы узами как сироты слезами...»	106

МАНЬЯСКО

«Чему паяц обучает сороку...»	107
«Рядом сидит святое семейство...»	108
«Смотрит учитель в глаза ученице...»	109
«Дряной малагой успев напиться...»	110

ГО СИ

«Что ты делаешь, старец! Ты иву рисуешь не так...»	111
«Мало молчишь. Живопись разговора скромней...»	112

Ария

/Мертвополитен-опера/	114
-----------------------	-----

Трио

/Мертвополитен — опера/	117
-------------------------	-----

«Был младенцем — легко дышалось...»	123
-------------------------------------	-----

«ночью в автобусе пишется пьеса...»	125
-------------------------------------	-----

«...шторм третий день сколько серой влаги...»	127
---	-----

«Прибой, как sea-бемоль...»	128
-----------------------------	-----

Яйла	130
------	-----

«спал / и вдруг...»	132
---------------------	-----

Полностью приснившиеся стихи	134
------------------------------	-----

«ко мне заходит черный человек...»	136
------------------------------------	-----

Камни сердца	137
--------------	-----

Фантомные боли	143
----------------	-----

Идея серии:
Д. Борисов, Н. Охотин
Художник серии
С. Митурич
Компьютерная верстка:
Г. Магомедова
Корректор:
Л. Хмельнова

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3
Тел./факс: (095) 229-55-48
e-mail: perm@ogi.ru

ЛР № 065416 от 22.09.1997

Клуб «ПРОЕКТ О·Г·И·»
Москва, Потаповский пер., 8/12, стр. 2
Тел./факс: (095) 927-57-76

Формат 60x84 ¹/₁₆
Тираж 1000 экз.
Бумага офсетная № 1
Печать офсетная
Гарнитура OfficinaSerif
Объем 9,5 печ. л.
Подписано в печать 19.02.2001
Заказ №
Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Момент»
г. Химки, ул. Нахимова, 2